

21.12.2015, 20:56 Москва

МНЕНИЯ

Выступление на прениях по «Болотному делу» защиты Ивана Непомнящих

Прокурор Костоев запросил для очередного обвиняемого по «Болотному делу» Ивана Непомнящих три с половиной года колонии общего режима. Впереди слово защиты. Мы публикуем полностью выступление Шарова-Делоне, оказавшееся в распоряжении нашей редакции.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРЕНИЯХ по делу № 201/404071–15
Защитник Шаров-Делоне Сергей Александрович
(в защиту Непомнящих Ивана Андреевича)

Уважаемый суд!

Вот уже на протяжении полугода мы рассматриваем в судебном заседании дело в отношении моего подзащитного, НЕПОМНЯЩИХ Ивана Андреевича. И за это время исследовали огромный объем свидетельских показаний, вещественных доказательств и документов.

И из них из всех, по моему глубокому убеждению, приходится сделать вывод, что всё, произошедшее на Болотной площади 06 мая 2012 г., явилось следствием нарушения со стороны представителей власти и правоохранительных органов условий официального согласования массового мероприятия «Марш Миллионов», непрофессиональных действий полиции по организации прохода участников марша, а также неоправданной, избыточной жесткости действий сотрудников правоохранительных органов в отношении мирных невооруженных граждан. С другой стороны, исследованные материалы, как я считал и продолжаю считать, не позволяют квалифицировать произошедшее как «массовые беспорядки» ввиду отсутствия квалифицирующих признаков, предусмотренных статьей 212 Уголовного Кодекса Российской Федерации. 06 мая 2012 г. не было ни погромов, ни поджогов, ни применения оружия, взрывных устройств, взрывчатых и отравляющих веществ. Как мы убедились в ходе судебного следствия, нет убедительных доказательств и уничтожения имущества. А квалифицирующий признак «насилие», по всей очевидности, законодатель относил к третьим лицам, а не к представителям власти, потому что им отдельно посвящен гораздо более сильный признак, имплицитно включающий в себя и насилие: «оказанием

вооруженного сопротивления представителю власти». Таким образом, я полагаю невозможным утверждать, что на Болотной площади 06 мая 2012 г. были «массовые беспорядки» не в бытовом, а в юридическом смысле термина.

Разумеется, я не забыл о существовании ст. 90 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, и позволил себе высказать свою точку зрения лишь потому, что защита продолжает оспаривать предыдущие судебные решения в других инстанциях. И потому еще, что сама ст. 90 УПК РФ содержит очень важное положение: «при этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле».

Дело в том, что как бы ни относиться к доказанности самого факта «массовых беспорядков» на Болотной набережной 6 мая 2012 г. — а я повторяю: я убежден, что в том смысле, в каком понимает «массовые беспорядки» закон, их не было — как бы мы к этому не относились, суть обвинения моего подзащитного и, следовательно, предметом доказывания являются не массовые беспорядки сами по себе — И.Непомнящих обвиняется не в «массовых беспорядках», — а его личное участие в них. И именно это подлежит доказыванию, доказанность именно этой позиции только и может служить основанием для его осуждения или, напротив, признания невиновным.

Что же может быть вменено в вину Ивану Непомнящих? Очевидно, что не сам по себе факт его присутствия на Болотной набережной в тот день. Хотя бы потому, что массовое мероприятие «Марш миллионов», участвуя в котором он оказался на площади, было согласовано мэрией г. Москвы в установленном законом порядке, что было документально выяснено нами здесь. Моего подзащитного никто не обвинял ни в поджогах, ни в погромах, ни в применении оружия, ни в том, что

он метал в сотрудников полиции камни, бутылки или какие-либо иные предметы. В то же время, выдвинутые против моего подзащитного обвинения в том, что «06.05.2012 в период с 17 часов до 22 часов, поддавшись прозвучавшим противоправным призывам, часть участников указанных массовых мероприятий, среди которых были Непомнящих И.А., Алтайчинов Д.Д., Гуцин И.В., Марголин А.Е., ... (далее — список имен)..., действуя умышленно,.. приняли участие в возникших массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, повреждением и уничтожением имущества, игнорируя законные требования сотрудников полиции и военнослужащих внутренних войск МВД РФ, применяя физическую силу, предприняли попытку прорвать оцепление из сотрудников полиции и военнослужащих внутренних войск МВД РФ, выполнявших свои должностные обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности» (т.1, лл.16–17), подчеркну, что он участвовал в «попытке прорыва оцепления» не нашли никакого подтверждения в ходе судебного следствия. Более того, в момент прорыва, произошедшего напротив кинотеатра «Ударник» около Малого Каменного моста, он давно уже находился на Болотной набережной и никак не мог принять в этих попытках личного участия. Все время, в течении которого, по мнению обвинения, происходили «массовые беспорядки» он просто находился на Болотной набережной.

Мог ли он ее покинуть? Не исключено, что такая возможность теоретически существовала, или, по крайней мере, время от времени возникала. Однако, находясь внутри толпы, узнать о её существовании, как показало судебное следствие, не представлялось возможным. Как показали все без исключения свидетели со стороны как обвинения, так и защиты, сотрудники полиции через мегафоны заявляли что «Митинг (или мероприятие)

прекращен» и требовали от собравшихся «Разойтись» или «Покинуть территорию митинга», но никаким образом и никакими словами не объясняли, что было нужно для этого сделать, в какую сторону двигаться, и где были открыты выходы с Болотной набережной (когда они таки открывались — оговорка немаловажная, поскольку из показаний сотрудников полиции вытекает, что значительную часть времени граждане оказывались блокированными на набережной полицейским оцеплением). При этом исследование видеозаписей, сделанных изнутри скопления граждан, со всей отчетливостью продемонстрировало, что даже на незначительном удалении от полицейского оцепления звуки из мегафонов были вообще не слышны: мы ни разу их не слышали на протяжении всего просмотра видеодоказательств, хотя нет сомнений (и показания ряда свидетелей это удостоверяют), что указанные призывы сотрудниками полиции произносились. При всем обилии звуков в аудиоряде видеозаписей (речевок участников, отдельных реплик, восклицаний и т. п.) мы ни разу не расслышали призывов, произносившихся через мегафоны: очевидно, что звукоусиление было явно недостаточным, чтобы довести требования до граждан, сколь бы неконкретными эти требования ни были. А мощная звукоусиливающая аппаратура сцены, рассчитанная на покрытие всего пространства Болотной площади, задействована полицией для оповещения участников мероприятия не была: как показал в заседании 08.12.2015 г. свидетель Давидис С.К., она была обесточена самими же сотрудниками полиции.

Визуально же изнутри толпы граждан увидеть места для выхода было невозможно. Снова обращаюсь даже не столько к показаниям свидетелей Петрановской Л.В., Николаенко О.В., данные ими в судебном заседании 01.12.2015 г., сколько к исследованным в судебном заседании видеозаписям, выполненным операторами

изнутри толпы: находясь в ней можно было что-либо увидеть самое большее за 3–4 человека от себя — дальше ближестоящие люди закрывали собой обзор. И это при том, что все операторы держали камеры в поднятых вверх руках, чтобы хоть что-то зафиксировать, кроме затылка или плеча соседа — у людей такой возможности приподняться не было. Да, временами можно было увидеть, что какая-то часть людей прошла через высокий, возвышающийся над Обводным каналом, а потому более или менее обозримый с набережной Лужков мост, но ровно так же затем было видно, что он перекрыт сотрудниками полиции.

Таким образом, оказавшись в скоплении людей на Болотной набережной, мой подзащитный, ровно так же, как и другие граждане, находившиеся рядом с ним, ниоткуда не мог узнать о том, была ли возможность покинуть набережную, где находились выходы, были ли они открыты, да и сами требования полиции относительно того, что зону митинга надо покинуть, он мог услышать разве что случайно.

Подводя итог этой теме, я хочу подчеркнуть, что тот факт, что мой подзащитный, Иван Непомнящих, в сложившихся не по вине и не вследствие его персональных действий условиях, продолжал оставаться на Болотной набережной вплоть до момента его задержания, не может быть вменено ему в вину: он находился на территории согласованного массового мероприятия в согласованный период времени и не имел и не мог получить информации о том, как было возможно эту территорию покинуть.

Единственным эпизодом, в котором согласно материалам дела принимал участие мой подзащитный, — это собственно эпизод его задержания сотрудниками 2 ОПП Гавриловым Е.А. и Колмаковым В. В. Фабула обвинения, согласно Обвинительному заключению, такова: «Непомнящих И.А., действуя умышленно, с целью

применения насилия, препятствуя задержанию сотрудниками полиции агрессивно настроенных граждан, стоя перед Колмаковым В.В. и Гавриловым Е.А., нанес Колмакову В.В. не менее одного удара левой рукой по левой руке последнего, не менее одного удара левой рукой по левой руке Гаврилова Е.А., а затем не менее одного удара сложенным зонтом по голове Колмакова В.В. и не менее одного удара левой рукой по левой руке Гаврилова Е. А. При этом Непомнящих И.А. осознавал, что одетые в форменное обмундирование сотрудники полиции Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А. являются представителями власти и исполняют свои должностные обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. От указанных действий Непомнящих И.А., Гаврилов Е.А. и Колмаков В.В. испытали физическую боль» (т.1, л.19).

Именно этот единственный эпизод — а судят моего подзащитного именно за то, в чем он обвиняется и больше ни за что — следует проанализировать максимально подробно и всесторонне.

Оставляя пока в стороне оценочные суждения, что мой подзащитный «действовал умышленно, с целью применения насилия», обращаюсь к обвинению в том, что он «препятствовал задержанию сотрудниками полиции агрессивно настроенных граждан».

Уважаемый суд! В своей профессиональной работе мне как архитектору-реставратору приходится много работать с историческими документами и свидетельствами. В свое время знаменитый историк Р.Дж. Коллингвуд убедительно показал исключительную близость работы следствия и суда — и историка. В историческом исследовании первой операцией является «критика источников», в том числе выявление их взаимозависимости или, наоборот, независимости друг от друга. При этом считается недопустимым без исключительно веских на то оснований

пользоваться для доказательств источниками вторичными по своему происхождению, во всей своей содержательной полноте восходящими к первичным. Потому что в 99% случаев их расхождения вызваны либо просто добросовестными ошибками, либо тенденциозными искажениями во вторичных источниках.

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в нашем случае. Ни Колмаков В.В., ни Гаврилов Е.А. не помнили ничего об эпизоде с моим подзащитным, в том числе, и об испытанной ими «физической боли». Не помнили, пока в Следственном Комитете через два с половиной года после событий 6 мая 2012 г. им не были показаны кадры видеосъемки. И все их «воспоминания» сложились после, а в данном случае — и в следствие просмотра видеозаписи. И ограничиваются они, как мы имели полную возможность убедиться в ходе судебного следствия, ровно тем фрагментом, который запечатлен на видео. Я хочу еще раз подчеркнуть, что указанные сотрудники полиции в ходе судебного следствия не смогли внятно указать, задержанию кого препятствовал мой подзащитный. Ровно так же в показаниях, данных в судебном заседании 21.10.2015 г., и свидетель Климов, руководивший 6 мая 2012 г. операторами ОМОН, указал, что он обратил внимание на моего подзащитного только в момент его задержания, то есть тоже не показал, что И.Непомнящих препятствовал задержанию кого бы то ни было перед тем. Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А. увидели моего подзащитного прямо перед собой — и просто решили задержать. И все их показания суть пересказ просмотренного видео — не более того. В этой ситуации я вообще не могу не выразить обоснованных сомнений в том, что показания потерпевших Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А. можно признать допустимыми доказательствами. Тем более, что каких-либо объективных показаний или данных для признания их потерпевшими от И.Непомнящих дело не содержит. Что немудрено:

признаны они были в качестве потерпевших только в 2014 г. и никаких заключений экспертизы (даже таких неопределенных, что оглашались по другим потерпевшим сотрудникам полиции) в деле нет. Только их слова — но так можно на любого подать в суд за физическую боль, причиненную, скажем, рукопожатием.

В любом случае, показания Колмакова В.В., Гаврилова Е.А. и Климова вторичны, производны от видеозаписей, исследованных нами в судебном заседании. Это видеозаписи VTS_01_2.VOB и «Полтора часа на Болотной». Именно к этим объективным источникам я и хочу обратиться. На первой из видеозаписей запечатлена только финальная часть эпизода с 10 минуты 52 сек. по 11 минуте 22 секунду (всего 30 секунд), а на второй мой подзащитный появляется дважды — на несколько мгновений, начиная с 57 минуты 33 сек., и затем с 57 минуты 38 секунды по 58 минуте 03 сек., т. е. опять же на протяжении не более, чем полминуты, но на ней отсутствует сам момент задержания И.Непомнящих. Весь фрагмент видеозаписи VTS_01_2.VOB, на котором присутствует И.Непомнящих начинается и заканчивается эпизодом его задержания, и удостоверить им то, что он препятствовал чьему бы то ни было задержанию невозможно. Несколько более информативен в смысле действий моего подзащитного видеофайл «Полтора часа на Болотной». На 57 минуте 33 секунде видно, как молодой человек в шортах старается помочь подняться сбитой с ног девушке, его пытаются задержать сотрудники полиции, он вырывается, а потом девушке помогает встать И.Непомнящих. Эти кадры (всего несколько мгновений) полностью подтверждают достоверность показаний свидетеля Николаенко О.В., данные ей в ходе судебного следствия 01.12.2015 г. Подчеркну: упавшую девушку — свидетеля Николаенко О.В. — никто, как явствует из исследованной видеозаписи, не пытался задерживать, а потому помощь, оказанная

ей моим подзащитным не может квалифицироваться как «препятствование задержанию». Далее мой подзащитный появляется в кадре спустя 4 секунды, на 57 минуте 38 секунде. Он следует за группой сотрудников полиции, преследующих и задерживающих первого молодого человека, пытавшегося поднять свидетеля Николаенко О. В. Следует сбоку и сзади, ничем не мешая производить задержание. Я полагаю, это совершенно естественная реакция человека — узнать, что случилось с тем, кто пытался помочь девушке встать. После того, как первый молодой человек задержан, сотрудники полиции оборачиваются и начинают двигаться в сторону И.Непомнящих, находящегося к ним ближе всех остальных участников митинга. При этом, вопреки данным потерпевшим Колмаковым В.В. в судебном заседании 22.10.2015 г. показаниям, что ПР-73 висела у него на шнурке на запястье и что он ее не поднимал, на видео мы прекрасно видели, как он неоднократно замахивается резиновой дубинкой в сторону подзащитного, «фехтуя» ею перед ним, старающимся отодвинуться и прикрывающим лицо, поднимая левую руку — опять же абсолютно естественное, я бы сказал — инстинктивное движение с целью прикрыть лицо и голову. Хочу подчеркнуть: ни до, ни после момента, когда сотрудники полиции Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А. оборачиваются в сторону И.Непомнящих он не препятствует чьему бы то ни было задержанию. И с этого момента (а до того Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А. не могли видеть моего подзащитного, поскольку он находился у них за спиной) — тем более, он не препятствовал задержанию кого бы то ни было, поскольку указанные сотрудники приступили к его собственному задержанию. Ввиду этого я ставлю под сомнение достоверность показаний Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А. относительно того, что мой подзащитный «препятствовал задержанию иных лиц» как не находящие объективного подтверждения. Тем более, что — подчеркну еще раз — сами полицейские так и не смогли указать,

задержанию скольких человек препятствовал И.Непомнящий и вообще «вспомнить» хоть какую-то конкретику: были это мужчины или женщины, во что они были одеты и т. д. Сам момент задержания можно увидеть только на видеозаписи VTS_01_2.VOB. На ней мы видели, как моему подзащитному приближаются сотрудники полиции Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А. и протягивают к нему руки, пытаясь ухватить за рукава. Никаких требований или объяснений причин задержания не слышно, впрочем, сами потерпевшие тоже не утверждали, что они выдвигали какие-либо требования или объясняли причины задержания. И.Непомнящих поднимает руки вверх, демонстрируя нежелание сопротивляться, и пытается спиной вжаться в толпу людей, очевидно стремясь не быть задержанным, поскольку не видит причин для задержания. Это ему сделать не удастся из-за того, что люди стоят за ним плотной стеной. Наконец, сотрудникам полиции удается схватить и потянуть моего подзащитного за руки — и в этот момент его руки приходят в соприкосновение с предплечьями полицейских. Не с незащищенными щитками кистями рук, как они уверяли нас в своих показаниях в суде, а с закованными в защиту предплечьями. Это снова совершенно естественное, я бы сказал, — чисто механическое движение: когда вас тащат за руку, движение ваших рук вниз и соприкосновение с руками тянущих неизбежно. Но эти соприкосновения никак нельзя характеризовать как акцентированные умышленные удары. И подробный просмотр видео, и фототаблицы, исследованные в составе материалов дела, со всей убедительностью подтверждают такую трактовку движения рук И.Непомнящих: нет ни одного кадра, где его руки наносили бы удар и где удар приходился бы на кисти рук.

Абсолютно аналогичная ситуация и с «ударом» зонтом: на видео и кадрах фототаблицы видно, что мой

подзащитный держит зонт в правой руке, поднимает руки вверх, стараясь отстраниться от сотрудников полиции, его дергают за рукав — и его рука механически — просто потому, что за нее потянули — совершает движение в сторону тянущего вместе с зажатым в руке зонтом. Ни о каком целенаправленном, умышленном, акцентированном ударе в этой ситуации говорить не приходится.

Хочу еще раз подчеркнуть: все, что мы видим на видеокадрах и на раскадровке в фототаблице, свидетельствуют об одном — И.Непомнящих, действительно не желая быть задержанным (хотя бы потому, что не чувствовал за собой никакой вины, а причины задержания, как показали в судебном заседании потерпевшие Колмаков В.В. и Гаврилов Е.А., ему не разъяснились) делал всё от него зависящее, чтобы отстраниться от сотрудников полиции Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А., демонстрируя отсутствие намерений оказывать физическое сопротивление подняв руки с открытой левой ладонью (в правой руке у него был сложенный зонт), и не наносил умышленного, целенаправленного удара или ударов по рукам полицейских.

Подводя итог анализу исследованных в судебном заседании доказательств по разбираемому эпизоду, я прихожу к следующим выводам:

- — в ходе судебного следствия не нашло подтверждения обвинение моего подзащитного, Непомнящих И.А., в том, что он «препятствовал задержанию сотрудниками полиции агрессивно настроенных граждан»;
- — не нашло убедительного подтверждения и то, что мой подзащитный «действовал умышленно, с целью применения насилия», напротив, все его действия были абсолютно инстинктивно оборонительными (прикрыть голову рукой) или механически вызванными усилиями сотрудников полиции Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А., потянувшего его за рукава одежды в момент задержания. Между тем, исходя из диспозиции ч.1 статьи 318 УК РФ, наличие умысла является необходимым условием для обвинения по этой статье, поскольку в ней объединены собственно «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья... в отношении представителя власти» и «угроза применения насилия» — а угрожать применением насилия можно, как очевидно, только осознанно, имея именно такой умысел;
- — не нашли объективного подтверждения показания потерпевших Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А. в той части, что мой подзащитный нанес им удары по незащищенным кистям рук — исследованные видеодоказательства и фототаблица, выполненная на их основе, показывают, что кисти рук моего подзащитного соприкасались с защищенными щитками предплечьями указанных сотрудников полиции, и не могли причинить последним физической боли, тем более, что это вообще не были акцентированные, умышленные удары.

Таким образом, я убежден, что действия моего подзащитного не могут быть квалифицированы по ч. 1 ст.318 УК РФ как ввиду отсутствия в его действиях преступного умысла, так и по объективной стороне его

действий: он не препятствовал задержанию агрессивно настроенных граждан и не наносил целенаправленных ударов потерпевшим Колмакову В.В. и Гаврилову Е.А., т. е. не «применял насилия в отношении представителей власти».

Однако, если обвинение И.Непомнящих в умышленном применении насилия в отношении сотрудников полиции Колмакова В.В. и Гаврилова Е.А. не находит подтверждения, то в чем же заключается «участие в массовых беспорядках», инкриминируемое моему подзащитному? Очевидно, что не в самом факте его нахождения в рассматриваемое время 06 мая 2012 г. на Болотной набережной — массовое публичное мероприятие «Марш Миллионов» было согласовано с органами исполнительной власти субъекта федерации в установленном законом порядке. И не помощь свидетелю Николаенко О. В. Фактически, единственным «основанием» для обвинения И.Непомнящих по ч. 2 ст. 212 УК РФ оказывается сам факт его задержания сотрудниками полиции, задержания немотивированного, по моему глубокому убеждению, основанному на исследовании всей совокупности доказательств в судебном заседании. Я не собираюсь рассматривать мотивированность и законность действий сотрудников полиции, задержавших моего подзащитного на Болотной набережной 06 мая 2012 г. — не оно является предметом настоящего судебного разбирательства. Я хочу лишь подчеркнуть, что сам по себе факт задержания И.Непомнящих не может и не должен предопределять решение суда, не может являться доказательством его виновности в инкриминируемых ему преступлениях.

Подводя итог, я убежден в невиновности моего подзащитного и в отношении ч.2 ст.212 УК РФ, и по ч.1 ст. 318 Уголовного Кодекса.

Наконец, я не могу не обратить внимание уважаемого суда на характеристики личности моего подзащитного.

И.Непомнящих закончил одно из самых сложных и далеко не самых модных, «гламурных» высших учебных заведений — Бауманский Университет. И пошел работать по полученной очень нужной специальности — авиационная гидравлика. Он никуда не скрывался все эти годы, и ни от кого не прятался — так поступают только те люди, которые не чувствуют за собой греха, которые не имели никаких «умыслов» на совершение противоправных деяний. О категорической несклонности моего подзащитного к противоправным действиям свидетельствует и исследованная судом и приобщенная к материалам дела комплексная психологическая экспертиза, проведенная одним из ведущих специалистов — В. А. Рубашновым. Активная, заинтересованная профессиональная деятельность, помощь родным и близким — вот что характеризует моего подзащитного. И то, с какой скрупулезностью он соблюдал наложенные на него ограничения в рамках домашнего ареста, его пунктуальность в отношении судебных заседаний, также характеризуют его как исключительно законопослушного гражданина.

Уважаемый суд! Я хочу закончить цитатой из защитительной речи замечательного адвоката С. В. Калистратовой, произнесенной ей почти 50 лет назад, 11 октября 1968 г. Вот эти слова: «Я заканчиваю. Надеюсь не на снисхождение, а на справедливость и законность вашего приговора». Я прошу оправдать моего подзащитного, Непомнящих Ивана Андреевича, по обеим статьям предъявленного ему обвинения. А формулировку этого, убежден, единственно справедливого приговора — «ввиду отсутствия в его действиях состава преступления», «за недоказанностью» или «ввиду неустранимых сомнений» в виновности моего подзащитного,

Непомнящих Ивана Андреевича, я, как говорится, «оставляю на усмотрение суда».

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Ещё почитать

06.03.2026 Москва

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбуждали новое дело